

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“75 ЛЕТ АТОМНОЙ ОТРАСЛИ. ВКЛАД АКАДЕМИИ НАУК”

ГЛОБАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В ЯДЕРНОМ МИРЕ

© 2021 г. А. Г. Арбатов

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия*

E-mail: alarbatov@gmail.com

Поступила в редакцию 23.12.2020 г.

После доработки 23.12.2020 г.

Принята к публикации 19.01.2021 г.

Понятие “стратегическая стабильность” получила официальное определение в Совместном заявлении России и Соединённых Штатов в 1990 г. как “состояние стратегических отношений сторон, устраняющее стимулы для нанесения первого ядерного удара”. Это понимание нашло отражение в Договоре СНВ-1 и пяти последующих договорах, включая текущий Договор СНВ-3 (2010). Благодаря им, по принятым тогда критериям стратегической стабильности, современный стратегический баланс России и США выглядит намного более устойчивым и исключает возможность и стимулы для первого ядерного удара. Тем не менее стратегическая стабильность в настоящее время опасно расшатывается из-за распада режимов контроля над ядерным оружием, изменения ядерного миропорядка, а также под влиянием военно-технического развития. Доводы в пользу упразднения системы и процесса контроля над вооружениями, как и предлагаемые альтернативы им, не выдерживают критики. Вместе с тем очевидно, что 30 лет спустя после Совместного заявления России и Соединённых Штатов от 1990 г. концепция стратегической стабильности требует обновления с учётом изменившихся условий и новых угроз. На таком обновлённом понимании стратегической стабильности следует строить дальнейшие переговоры об ограничении вооружений. Одновременно переговоры с США должны опираться на твёрдый фундамент в виде эффективного российского потенциала сдерживания с акцентом на повышение живучести и боеготовности информационно-управляющих систем, наступательных и оборонительных систем оружия.

Ключевые слова: глобальная стабильность, стратегическая стабильность, контроль над вооружениями, ядерное сдерживание, сверхдержавы, новый миропорядок.

DOI: 10.31857/S0869587321050030

“Глобальная стабильность” — весьма неопределённое понятие, подразумевающее планету без войн и нарушений международного права, мировую гармонию и всеобщую безопасность. Понятно, что состояние современного мира очень отличается от подобной идеальной модели. В то же время поиск путей продвижения в указанном на-

АРБАТОВ Алексей Георгиевич — академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.

правлении требует анализа не желаемого, а существующего порядка вещей, в том числе в сфере ядерного оружия и контроля над вооружениями. Именно на таком анализе должны основываться предложения по достижению намеченной цели. Поэтому названную тему предпочтительно толковать как проблему стратегической стабильности, которая относится к ядерным вооружениям глобальной дальности действия. Понятие “стратегическая стабильность” в последнее время используется политиками субъективно и весьма произвольно, что усугубляет противоречия по этому вопросу, для которых и без того есть серьёзные объективные причины. Между тем эта концепция имеет достаточно конкретное с точки зрения научного анализа содержание. Она вполне определённо связана с доктринами и средствами ядерного сдерживания, лежащего в основе национальной безопасности и стратегических отношений великих держав.

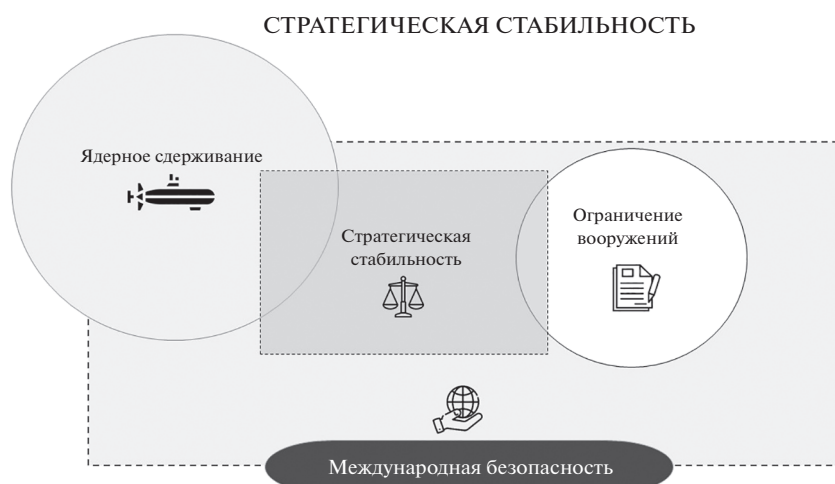

Рис. 1. Стратегическая стабильность

СУТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Как показал опыт холодной войны, без договоров по ограничению ядерного оружия (ЯО) ядерное сдерживание стимулирует гонку вооружений, периодически обостряет угрозу ядерной войны и влечёт за собой большие материальные затраты. Исходя из этого опыта с 1960-х годов началось создание системы контроля над ядерным оружием. Его важнейшими вехами стали Договор о прекращении ядерных испытаний в атмосфере, под водой и в космосе (1963), о запрещении вывода ЯО в космическое пространство (1967) и о нераспространении ядерного оружия (1968). Затем процесс контроля был перенесён непосредственно на носители ядерного оружия и привёл к первому успеху – Договору по ограничению систем противоракетной обороны (ДПРО) и Соглашению об ограничении наступательных стратегических вооружений (ОСВ-1) в 1972 г.

Поначалу переговоры по стратегическим вооружениям опирались на принцип паритета (“равенства и одинаковой безопасности”), но с внедрением в 1970-е годы многозарядных баллистических ракет (с разделяющимися головными частями индивидуального наведения – РГЧ ИН) этот принцип оказался недостаточно ёмким. Теоретически системы РГЧ ИН позволяли наносить обезоруживающий ядерный удар по противнику даже в условиях паритета сторон по носителям и ядерным боезарядам. Тогда в основу соглашений по ограничению и сокращению наступательных стратегических вооружений (СНВ) был поставлен принцип стратегической стабильности. Он служил фундаментом переговоров в последние 30 лет и тем самым стал связующим звеном между ядерным сдерживанием и международной безопасностью (рис. 1).

Понятие “стратегическая стабильность” было сформулировано в качестве правовой нормы в июне 1990 г. в Совместном заявлении СССР и Соединённых Штатов [1]. Это понятие определялось как стратегические отношения, *устраняющие стимулы для нанесения первого ядерного удара*. Для формирования таких отношений будущие договоры о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) должны были включать ряд согласованных элементов:

- взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями (чтобы оборона не могла ослабить ответный удар другой стороны);
- уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях (чтобы одним носителем с несколькими боезарядами нельзя было поразить на стартовых позициях несколько носителей противника с гораздо большим числом боезарядов);
- оказание предпочтения средствам, обладающим повышенной выживаемостью (чтобы их невозможно было уничтожить до запуска упреждающим ударом).

Важно подчеркнуть, что эти принципы не являлись теоретическими построениями, а были согласованы в качестве рабочей схемы Договора СНВ-1 (1991). В дальнейшем они нашли отражение в пяти последующих договорах, включая текущий Договор СНВ-3 (2010). По принятым критериям стратегической стабильности нынешний стратегический баланс России и США выглядит намного более устойчивым и исключает возможность, а значит, и стимулы для первого ядерного удара. Стратегические боезаряды были сокращены в 7 раз, носители – в 3 раза, доля живучих систем заметно увеличилась (рис. 2).

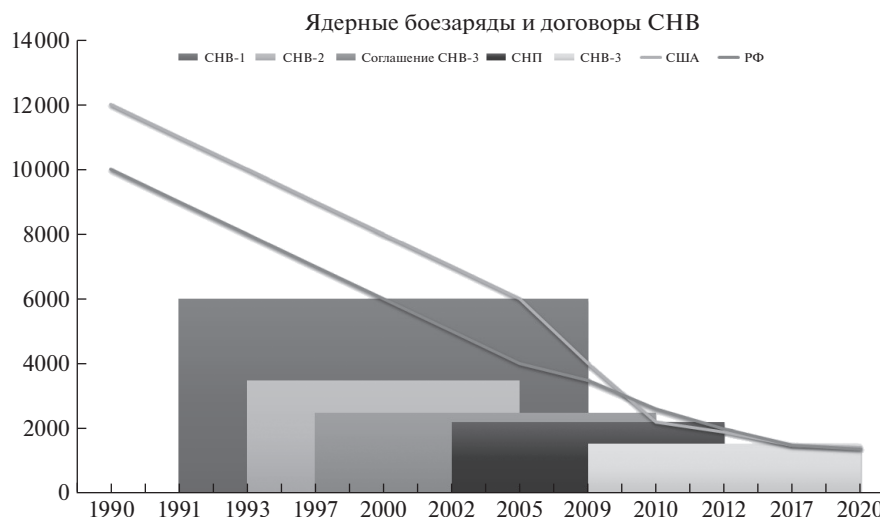

Рис. 2. Ядерные боезаряды и договоры СНВ

По всем реалистическим моделям обмена масштабированными ядерными ударами, которые служили отправной точкой концепции стратегической стабильности в 1990 г., ракетно-ядерный баланс России и США в настоящее время более стабилен, чем когда-либо в прошлом. Это выражается в том, что ни одна из двух сторон не имеет возможности в реалистически вообразимых условиях нанести первый ядерный удар, который настолько обезоружит противника, что позволит отразить его ослабленный ответный удар с помощью систем стратегической обороны (ПРО и ПВО). Причём в первом ударе будет израсходовано больше ядерных вооружений, чем окажется поражено, а для ответного удара у другой стороны останется больше средств, чем сохранится в резерве у агрессора [2]¹.

Эти оценки не учитывают возможность ещё более мощного ответно-встречного удара, осуществимость которого зависит от безотказной работы систем предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и всех звеньев боевого управления стратегических сил. Учёт возможностей нападения с применением высокоточных наступательных вооружений в неядерном оснащении, как и с использованием имеющихся оборонительных систем для отражения ответного удара, не вносит существенных изменений в эти выводы. Иными словами, ныне нет возможности совершить ядер-

ную агрессию и избежать возмездия с неприемлемым ущербом.

Тем не менее, как ни парадоксально, в силу ряда обстоятельств стратегическая стабильность в настоящее время опасно расшатывается, то есть снижается её эффективность в выполнении главной миссии — предотвращении ядерной войны. Эти обстоятельства связаны с распадом режимов контроля над ядерным оружием, изменением общего, в том числе ядерного миропорядка, а также с военно-техническим развитием. В результате возникают новые стратегические и оперативные концепции, повышающие опасность ядерной войны в возможной кризисной ситуации.

РАСПАД КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

За последние два года кризис контроля над вооружениями стал настолько очевидным, что был признан на высшем уровне власти России, многих европейских государств и в оппозиционных кругах США. В октябре 2020 г. на заседании дискуссионного клуба «Валдай» Президент РФ В.В. Путин выразился вполне определённо: «У мира не будет будущего, если не будет каких-то ограничений в сфере гонки вооружений» [3].

Что касается США, то уходящая администрация Д. Трампа не только не разделяет эти опасения, но сделала больше, чем любое другое правительство США, для разрушения системы контроля над вооружениями. Достаточно вспомнить отказ от продления Договора СНВ-3, выход США из Договора РСМД, Договора по открытому небу, из соглашения по ядерной программе Ирана (СВДП), неприкрытые угрозы выхода из Договора по запрещению ядерных испытаний (ДВЗЯИ). В этой деструктивной деятельности Трамп на-

¹ Анализ выполнен с учётом данных одного из исследований корпорации РЭНД ВВС США (Wilkening D. Strategic Stability Between the United States and Russia // Challenges in U.S. National Security Policy: A Festschrift Honoring Edward L. (Ted) Warner / Ed. by D. Ochmanek, M. Sulmeyer. Washington: RAND, 2014. P. 123–140. http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/corporate_pubs/CP700/CP765/RAND_CP765.pdf

много превзошёл своего республиканского предшественника Дж. Буша (мл.), который денонсировал Договор по ПРО в 2002 г.

Представители администрации Дж. Байдена в ходе перевыборной кампании обещали восстановить разрушенное республиканцами. Но очевидно это будет не просто в силу нескольких главных причин.

Во-первых, помимо контроля над вооружениями, в других сферах политических, экономических и идеологических отношений противоречия России и США, по всей вероятности, обостряются, а отделить контроль над вооружениями от политического контекста в отношениях государств очень трудно, о чём свидетельствует полувековой опыт ядерного разоружения.

Во-вторых, проблемы контроля над вооружениями объективно усложняются и требуют больших политических и интеллектуальных усилий, терпения и государственной мудрости.

В-третьих, за последние полвека переговоров не бывало столь длительной — десятилетней — паузы, какая имела место после подписания Договора СНВ-3 (2010).

Наконец, в-четвёртых, в политических и экспертных кругах — изначально в США, а вслед за ними и в России — в последние годы становится всё более модным мнение, что кризис разоружения объективно неизбежен ввиду коренных перемен в миропорядке и появления принципиально новых военных технологий. Но этот кризис, как утверждается, якобы не очень опасен, и можно упразднить традиционные переговоры и соглашения по ограничению и сокращению конкретных вооружений и впредь обходиться без них. Взамен следует вести диалоги между ядерными державами в разных форматах и на разных уровнях о новой модели стратегической стабильности. Последняя, согласно такой точке зрения, должна основываться не на контроле над чётко определёнными вооружениями, а на новых правилах ядерного сдерживания, мерах предсказуемости и транспарентности гонки вооружений [4].

ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ — НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК

Доводы в пользу упразднения системы и процесса контроля над вооружениями, как и предлагаемые невинные альтернативы им, не выдерживают критики. Вместе с тем очевидно, что 30 лет спустя после Совместного заявления СССР и Соединённых Штатов 1990 г. концепция стратегической стабильности требует обновления с учётом изменившихся условий и новых угроз.

Первый и наиболее политически заметный дестабилизирующий фактор связан с формирующейся ядерной многополярностью стратегиче-

ского баланса, тогда как концепция 1990 г. и основанные на ней соглашения были приурочены к ядерной биполярности СССР/РФ—США. Однако в настоящее время ядерным оружием, помимо двух сверхдержав, обладают ещё семь государств: Великобритания, Франция, КНР, Индия, Пакистан, Израиль и КНДР. Причём некоторые из них — Китай, Индия, Пакистан, КНДР — осуществляют последовательные программы наращивания и совершенствования своих ядерных сил. Вследствие этого и в России и в США формируются настроения в пользу перехода с двустороннего на многосторонний формат переговоров и соглашений об ограничении и сокращении ЯО. Причём по мере глубокого сокращения сил двух держав такая линия обретает всё большую поддержку. Например, в начале 2012 г., выступая в Сарове, В.В. Путин, в то время председатель Правительства России, заявил: «Мы не будем разоружаться в одностороннем порядке... В ходе этого процесса должны принимать участие уже все ядерные державы» [5]. Это было сказано через год после ратификации Договора СНВ-3, который завершил 20-летний период существенного сокращения ядерных вооружений СССР/России и США.

Тогда эта идея не получила признания других держав, однако через семь лет её подхватила администрация Дональда Трампа, которая призвала КНР присоединиться к процессу. Но теперь этот почин не одобрила Москва, поддержав китайский отказ со ссылкой на значительное отставание КНР от двух сверхдержав по величине ядерного потенциала [6]. Тем не менее Россия не преминула вспомнить требование советского периода о подключении к разоружению Великобритании и Франции — с тем же нулевым эффектом, что и прежде.

Идея многостороннего ядерного разоружения воплощена в известной Статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), которая обязывает ядерные державы «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению» [7, с. 447]. Вопреки распространённому мнению, третьи ядерные государства (как и многие неядерные) принимают практическое участие в ядерном разоружении, имея в виду запрещение различных видов ядерной деятельности². Однако

² Помимо ДНЯО, с 1963 г. было подписано несколько договоров о запрещении ядерных испытаний, кульминацией которых стал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) 1996 г. Был заключён ряд многосторонних договоров, запрещающих размещение ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (ОМУ) в разных средах: Договор по космосу 1967 г., Договор 1971 г. о дне морей и океанов, договоры о восьми географических зонах, свободных от ядерного оружия.

договорно-правовое ограничение ядерных вооружений как таковых — то есть средств доставки и боезарядов — осталось уделом двустороннего процесса СССР/России и США³.

Причина в том, что ядерное оружие в каждой стране создаётся не как побочный продукт ядерной науки и энергетики, а исходя из исторических по своему значению политических решений высшего государственного руководства. Выполнение таких решений превращается в долговременный курс с огромными затратами материальных и интеллектуальных ресурсов и связывается с кардинальными интересами обороны и национальной безопасности. Сюда относятся: сдерживание ядерной агрессии угрозой ответного ядерного удара; сдерживание нападения с применением превосходящих обычных сил и вооружений противника; сдерживание агрессии с использованием других видов оружия массового уничтожения; сдерживание нападения с использованием ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения или обычных вооружений против своих союзников. В более общем плане государства всегда видят в ядерном оружии залог своего глобального или регионального статуса, политического влияния за рубежом. Так же как Россия и США, ни одна другая ядерная держава не жертвует этими интересами и не пойдёт на ограничение, сокращение и тем более ликвидацию своих ядерных арсеналов исходя из благих побуждений — чтобы заслужить одобрение мировой общественности или под влиянием резонансов морального и юридического порядка⁴.

Государства могут согласиться на ограничение своих ядерных вооружений лишь на вполне конкретных условиях, о чём свидетельствует полувековой опыт успешных переговоров СССР/России и США. Это расчёт на то, во-первых, что в результате соглашения их стратегическое положение будет более благоприятным, нежели без него; во-вторых, что соглашение не закрепит их отставание (и преимущество другой стороны) по тем или иным вооружениям, являющимся предметом договора. Остаётся лишь удивляться, что ни Москва, ни Вашингтон до сих пор не осознали эти простые правила (которым они сами следуют в течение полувека) и не дали себе

труда предложить что-то подобное другим ядерным государствам.

Первое условие подразумевает наличие вполне определённых стратегических отношений сторон (например, отношений взаимного ядерного сдерживания). Тогда одно государство может пойти на ограничение своего ЯО в обмен на его ограничение другой страной с итоговым выигрышем для обоюдной безопасности. Второе условие предполагает примерное равенство сторон по вооружениям, избранным в качестве предмета переговоров, с тем, чтобы взаимные уступки были сопоставимыми, а итоговый баланс сил — равновесным.

Взаимное ядерное сдерживание по политическим или военно-техническим причинам отсутствует в отношениях США, Великобритании и Франции с Израилем, Индией и Пакистаном. Таких отношений не просматривается и в стратегическом взаимодействии России с КНР, Индией и КНДР, а с Израилем и Пакистаном вопрос остаётся непрояснённым. Китай не взаимодействует в области ядерного сдерживания с Россией, Израилем, Пакистаном и КНДР, а с Британией и Францией ситуация пока туманна. Что касается Великобритании и Франции, то между ними и Россией установлены отношения ядерного сдерживания, однако отсутствует второе условие для подобных соглашений — примерное равенство сторон. Великобритания и Франция не пойдут на договорно-правовую кодификацию военного превосходства России, а та не готова сократить свои вооружения до уровня двух стран Европы ни в сумме, ни по отдельности. Со своей стороны Китай озабочен военной мощью США и потому не согласится ни на какие ограничения на взаимной основе с Британией и Францией. Наконец, два негласных и непризнанных ядерных государства на противоположных окраинах Евразии — Израиль и КНДР — едва ли могут стать формальными участниками переговоров о разоружении с кем бы то ни было. У Израиля таких партнёров вообще нет, а если Иран попытается создать ядерное оружие, то ответом Израиля будут не переговоры, а массированный удар. КНДР развивает свои силы для сдерживания США, но для переговоров между ними тоже нет ни политических, ни стратегических условий.

Объективность военного анализа предполагает сравнение сопоставимых по классам ядерных вооружений государств. Так, если сложить все ядерные средства “тройки” (Британия, Франция и КНР) и средства “четвёрки” (Израиль, Индия, Пакистан, КНДР) по числу боезарядов⁵, то с ними следует сравнивать не только стратегические ядерные силы (СЯС) России и США, но все их

³ Следует отметить, что за несколько последних десятилетий Великобритания и Франция тоже существенно сократили ядерные арсеналы в одностороннем порядке.

⁴ В истории ядерного разоружения есть лишь несколько особых исключений из этого правила. В 1992 г. ЮАР отказалась от ядерного оружия в условиях прихода к власти чёрного большинства. В те же годы Украина, Белоруссия и Казахстан согласились на вывод ЯО бывшего СССР со своей территории под сильным давлением России и Запада и в качестве условия зарубежного признания и предоставления гарантий их государственной независимости, суверенитета и территориальной целостности.

⁵ Из них лишь Великобритания и Франция открыто публикуют информацию о своих ядерных силах.

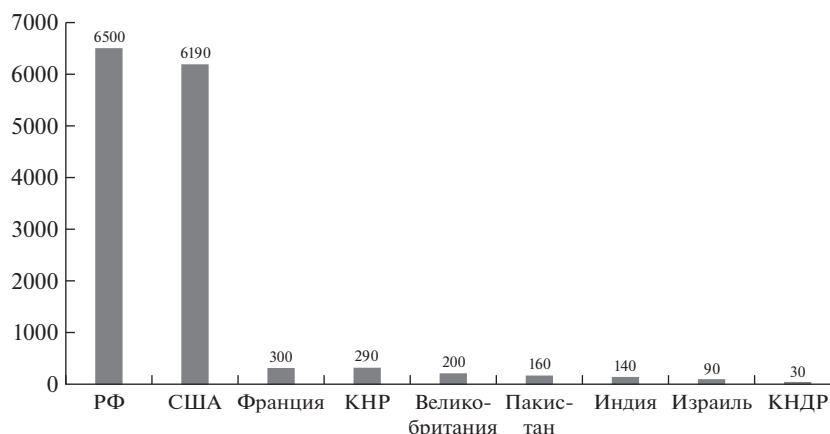

Рис. 3. Общее количество ядерных боезарядов, включая размещённые на складах и в хранилищах

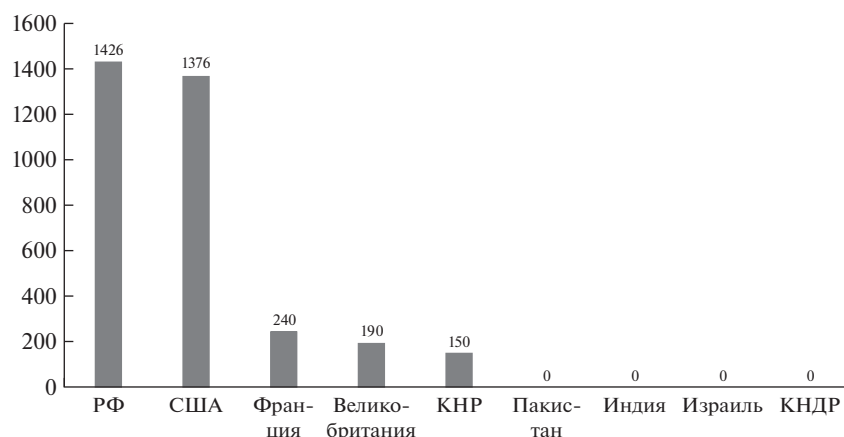

Рис. 4. Ядерные боезаряды на стратегических носителях (по правилам засчёта СНВ-3)

ядерные вооружения, включая до-стратегические вооружения (средней дальности и оперативно-тактические), причём как оперативно развёрнутые, так и на складском хранении в разных режимах технического состояния, в том числе подготовленные к демонтажу и утилизации (поскольку, по имеющейся информации, часть или даже все ядерные боезаряды “четвёрки” в мирное время содержатся в хранилищах). Тогда соотношение ядерных боезарядов России, США, суммарной численности арсеналов “тройки” и “четвёрки” выглядит весьма асимметрично. Две сверхдержавы располагают соответственно 6500 и 6185 боезарядами, три других члена ДНЯО — суммарно 790, а четвёрка аутсайдеров — 410 единицами (рис. 3) [8, с. 288].

Если вычленить вооружения “тройки” и “четвёрки”, подпадающие под категорию Договора СНВ-3 по его правилам засчёта, то у России и США имеется соответственно порядка 1430 и 1380 ядерных боезарядов, а у Великобритании, Франции и КНР в сумме около 600 единиц [8,

с. 290, 302, 312, 320]. Аутсайдеры вообще не имеют соответствующих развёрнутых вооружений (рис. 4). Если же добавить сюда системы, подпадающие под Договор РСМД 1987 г., то дополнительно можно было бы приплюсовать порядка 400 ракет “тройки” и “четвёрки” — до суммарного уровня примерно в 1000 единиц. Но самое главное — нет никаких военных или политических резонансов для объединения третьих ядерных государств в такие условные группы, и ни одно из них не согласится на коллективный засчёт, как на это не пошли бы Россия и США.

Основываясь на реальных военно-стратегических отношениях ядерных государств, единственный гипотетически возможный вариант — это не общий “оркестр” многостороннего разоружения, а несколько форумов двустороннего формата: Великобритания/Франция — Россия, США — КНР, Индия — Пакистан.

Европейские державы. Все прошлые попытки СССР приплюсовать силы европейских стран к

СЯС США и ограничить их единым потолком были отвергнуты Западом⁶. Отдельным переговорам России с двумя европейскими странами мешает огромная асимметрия СЯС сторон. Соглашение Великобритании и Франции хотя бы на некоторые меры доверия, транспарентности, инспекционной деятельности из меню Договора СНВ-3 имело бы положительное значение как прецедент для других стран, прежде всего Китая. Фактически такие меры подтвердили бы верность официальной информации об английских и французских силах и программах их сокращения и модернизации. Но обе эти европейские державы едва ли согласятся трактовать это как юридически обязывающее ограничение своих ядерных вооружений. А Россия вряд ли примет на себя обязательство реализовать такие же меры доверия в контексте отношений с этими странами за рамками Договора СНВ-3 с США (что наверняка потребовали бы Лондон и Париж). Только сильное давление со стороны США и союзников по НАТО и ЕС, возможно, побудило бы Великобританию и Францию принять такой подход. Стимулом для США и других стран могло бы стать согласие России на переговоры по тактическому ядерному оружию и по возрождению режима Договора об обычных вооружённых силах в Европе.

Южная Азия. Наличие отношений взаимного ядерного сдерживания и примерное равенство и однотипность сил Индии и Пакистана по ядерным носителям и боезарядам определяют уникальность ситуации в регионе. Помимо отношений России и США, это единственный случай, когда есть стратегические и технические предпосылки для классических соглашений об ограничении ядерных вооружений. Препятствия носят политический характер (территориальный спор, терроризм), а в военном отношении — индийское превосходство в силах общего назначения, высокоточных обычных средствах и по системе ПРО. Со стороны Индии главная преграда состоит в том, что её ядерные силы предназначены преимущественно для сдерживания превосходящего ядерного потенциала КНР, а пакистанские средства расцениваются лишь как придаток к китайским. Поэтому ограничение китайских ядерных вооружений, скажем, путём соглашения с США облегчило бы переговоры Индии и Пакистана.

Китай. Реально первое условие для переговоров США и КНР присутствует: между ними существуют отношения взаимного ядерного сдерживания, то есть имеется почва для договорного обмена уступками. Но второго условия нет: стратегический баланс крайне асимметричен: у США есть превосходство по стратегическим

ядерным силам (СЯС) и крылатым ракетами средней дальности (КРМБ) морского базирования⁷, Китай отстаёт по СЯС, но имеет преимущества по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД) наземного базирования. Ограничение или ликвидация наземных РСМД были бы односторонним и неприемлемым для Китая шагом, а включение в договор морских крылатых ракет США натолкнулось бы на большие трудности засчёта и верификации⁸.

Тем не менее теоретически трёхсторонний формат возможен. Например, Китай, США и Россия могли бы заключить интегрированный договор СНВ/РСМД. Такой договор позволил бы установить для трёх стран равный потолок (скажем, в 1400—1500 боезарядов), но в отличие от ДСНВ-3, в него нужно было бы включить не только наземные и морские стратегические ракеты и тяжёлые бомбардировщики, но и наземные ракеты средней и меньшей дальности (свыше 500 км) [9]. В этом случае Китай получил бы право наращивать свои стратегические силы (ныне около 140 единиц по носителям и боезарядам), параллельно сокращая соответствующее количество ракет средней дальности, которые так беспокоят США. А две ядерные сверхдержавы могли бы по своему усмотрению развёртывать ракеты средней и меньшей дальности, но за счёт соответствующего сокращения своих стратегических вооружений.

Такой вариант договора обеспечил бы КНР равный с двумя сверхдержавами стратегический статус и признание ими (пусть по умолчанию) права Китая на паритет и стабильное взаимное сдерживание. Не менее важно, что КНР выиграла бы от ограничения наступательных систем стратегической и средней дальности США, создающих для неё угрозу разоружающего удара. Со своей стороны Россия и США получили бы гарантии предсказуемости наращивания китайских вооружений стратегического назначения и средней дальности. Правда, признание за КНР права иметь равное с США и Россией суммарное количество вооружений стратегической и средней дальности вряд ли получит поддержку в Вашингтоне и Москве. Однако и без договора Китай может за десяток лет сравняться с Россией и США по СЯС, если примет такое политическое решение.

⁷ Речь идёт о крылатых ракетах морского базирования (КРМБ) типа «Томахок» на кораблях и многоцелевых подводных лодках.

⁸ В силу мобильности флотов Китай потребовал бы глобального ограничения ракет США, а контроль был бы затруднён, поскольку на кораблях такие ракеты размещаются в пусковых установках Mk-41 наряду с ракетами ПРО/ПВО, а на подводных лодках могут запускаться из торпедных аппаратов.

⁶ Первая такая попытка была предпринята в рамках Соглашения ОСВ-1 1972 г., затем — на переговорах об ОСВ-2 в конце 1970-х годов и в Договоре РСМД 1987 г.

Израиль и Северная Корея. Если ядерные средства двух государств когда-то станут предметом соглашений, то, скорее всего, в рамках решения региональных проблем безопасности, ограничения обычных вооружённых сил, урегулирования политических, экономических, территориальных и внутренних вопросов. Это предполагает региональный формат и контекст укрепления режимов ДНЯО и контроля над ракетными технологиями (РКРТ), а не традиционную модель соглашений об ограничении ядерных вооружений.

Проведённый анализ позволяет сделать главный вывод: расширение формата контроля над ядерным оружием — дело трудное, но гипотетически осуществимое. Однако приверженцам перехода к многостороннему ядерному разоружению (в прошлом в Москве, а теперь и в Вашингтоне) нужно осознать, что эта стратегия предполагает не только и не столько пересмотр нынешних позиций третьих стран, сколько гораздо большие уступки и жертвы со стороны двух ядерных сверхдержав как в военно-стратегическом, так и в политическом отношении.

Если цена перехода к многосторонним переговорам покажется сегодня слишком высокой, то процесс следует продолжать в двустороннем формате. Здесь накопилось много неотложных задач, решение которых жизненно важно как для безопасности России, США и остального мира, так и для сохранения перспективы многостороннего контроля над вооружениями в отдалённом будущем.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР

Другой ряд причин стратегической дестабилизации связан с развитием военных технологий, в первую очередь высокоточных ударных систем большой дальности в обычном оснащении. Они создают опасность нападения с применением высокоточных обычных систем оружия против ядерных сил друг друга. Эффект переплетения ЯО и высокоточных обычных вооружений, в том числе новейших гиперзвуковых ракетно-планирующих, прямоточных и аэробаллистических систем, — важнейший дестабилизирующий фактор современной стратегической обстановки. Примером могут служить крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) США типа “Томахок” (BGM-109) и воздушного базирования (AGM-84, AGM-158B JASSM-ER, AGM-183A, X-51). Россия наращивает арсенал крылатых ракет в неядерном оснащении: морские ракеты типа “Калибр” 3М-14, авиационные ракеты типа X-55СМ, X-555 и X-101, “Кинжал”, наземные крылатые ракеты типа 9М728 “Искандер” [10]. Именно этот фактор способен в случае вооружён-

ного столкновения повлечь неуправляемую эскалацию конфликта.

Указанная опасность тем более велика, что расширяется развёртывание носителей двойного назначения — с ядерным и обычным боезарядом. Это объяснимо с точки зрения сокращения расходов и технической оптимизации платформ, пусковых установок и других характеристик вооружений. Однако в случае их применения характер удара — ядерный или неядерный — нельзя будет определить до момента подрыва боевой части носителя. Это относится к КРМБ “Калибр” РФ и “Томахок” США, авиационным крылатым ракетам типа X-101/102 РФ и AGM-158B США, а также к возможным новым ракетам наземного базирования средней дальности США после денонсации Договора РСМД: Precision Strike Missile (PrSM), Ballistic missile with trajectory shaping vehicles (BMTSVs), Long Range Hypersonic Weapon (LRHW) [11].

Серьёзный усугубляющий эту ситуацию момент — растущая сложность и дефицит времени при оценке информации и принятии решений политическим и военным руководством государств, высокая автоматизация и быстродействие систем управления. Эта опасность усиливается вследствие развития средств агрессивного воздействия на информационно-управляющие системы, включая космическое оружие, методы и средства массовой информационной войны и прямых кибератак.

Распространённое мнение о растущей скорости новейших стратегических вооружений и, как следствие, о сокращении времени принятия решений военно-политическим руководством представляется спорным. Подлётное время новейших гиперзвуковых планирующих средств не меньше, чем традиционных баллистических носителей сопоставимой дальности. Другое дело, что траектории и боевое оснащение первых непредсказуемы и их труднее сопровождать и перехватывать средствами ПРО и ПВО. Правда, при массированном ударе существующие баллистические носители тоже неотразимы с использованием современных и прогнозируемых оборонительных систем. Специфика новейших наступательных средств заключается в том, что старт ракетно-планирующих средств, как и баллистических ракет, обнаруживается спутниками СПРН через 60–90 секунд, но из-за более низкой траектории гиперзвуковых планеров (50–60 км) подтверждение нападения со стороны РЛС может прийти не через 10–15 минут после старта разгонных ступеней, а всего за несколько минут до падения планирующих боевых частей [12]. Следуя концепции ответно-встречного удара, отдавать приказ об ответном запуске своих ракетных средств пришлось бы только по информации

спутников СПРН, что чревато развязыванием ядерной войны из-за ложной тревоги (случаи ложной тревоги не раз бывали в прошлом), выхода спутника из строя или кибердиверсии. А значит, эта угроза сохранится, пока не будут созданы космические инфракрасные системы сопровождения гиперзвуковых планирующих средств в верхних слоях атмосферы.

Проблема состоит ещё и в том, что опасное сокращение времени предупреждения о нападении не позволяет в той же мере ускорить принятие решений об ответных действиях. Причём сокращение времени принятия решений государственным руководством за счёт цифровизации и автоматизации информационно-управляющих систем, включения в них технологий искусственного интеллекта создаёт опасность фактического исключения высшего политического руководства из процесса выдачи санкции на ядерный удар в период от получения информации о нападении до пуска своих ракет. Ведь необходимость принять такое решение в течение нескольких минут (или даже секунд, как сказал В.В. Путин [13]) превращает государственного руководителя в своего рода придаток автоматизированной системы оценки информации и выполнения команд, разработанной специалистами в мирное время, задолго до кризиса и не способной предусмотреть все неожиданности развития реальных событий.

Как представляется, более рациональным ответом на проблему сокращения времени предупреждения о нападении был бы отказ от ускорения принятия решения, повышение живучести высших звеньев системы управления и самих средств ответного удара, продуманная система делегирования полномочий на случай недееспособности высшего руководства, оптимизация критериев неприемлемого ущерба для противника.

Не менее угрожающий фактор нестабильности — это вероятность применения ядерного оружия на локальном или региональном уровне обычного конфликта в целях его “прекращения на приемлемых условиях” [14]. США обвиняют Россию в планировании ограниченного применения ЯО в рамках концепции “эскалации ради деэскалации” [15] и противопоставляют ей свои аналогичные концепции и системы ядерного оружия пониженной мощности [16]. Во времена холодной войны такое применение сдерживалось вероятностью эскалации конфликта вплоть до массированного обмена ударами. Теперь возникла стратегическая концепция достижения победы путём эффективного применения обычных и ядерных средств, не доводя конфликт до массированного обмена ядерными ударами. По этой логике стабильный баланс стратегических вооружений, исключая возможность массирован-

ного разоружающего удара, как бы выводится за скобки локального или регионального конфликта с интегрированным применением обычных и ядерных вооружений для завершения войны на приемлемых для себя условиях.

Все эти обстоятельства должно учитывать обновлённое понимание стратегической стабильности и основанные на нём переговоры об ограничении вооружений с целью устранить как прежние, так и новые стимулы для любого применения ядерного оружия.

ПОВЕСТКА ДНЯ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Переговоры с США невозможны без твёрдой опоры в виде эффективного российского потенциала сдерживания в составе наступательных и оборонительных ядерных и неядерных сил, с акцентом на повышение живучести и боеготовности системы управления и ударных средств для нейтрализации угрозы ядерного и неядерного нападения.

Следует иметь в виду, что возможности договорно-правовых методов в обуздании гонки вооружений не безграничны — об этом свидетельствует исторический опыт. Границы определяются сферой совпадения стратегических и политических интересов сторон и техническими возможностями верификации соглашений. В прошлом не удалось ограничить тактическое ядерное оружие, космические вооружения, крылатые ракеты средней дальности морского базирования, точность и мощность ядерных боеголовок и пр. Тем не менее контроль над вооружениями может косвенно влиять на уровень опасности военного столкновения и его эскалации, например, охватывая дестабилизирующие системы обычного оружия.

Помимо традиционных МБР, БРПЛ, их ядерных боеголовок и тяжёлых бомбардировщиков, это прежде всего относится к неядерным ракетам большой дальности (по критериям прошлых договоров ОСВ/СНВ). Вопрос можно решить путём их зачёта по реальному оснащению бомбардировщиков в потолках на стратегические боезаряды в следующем договоре СНВ, включая любые (ядерные и обычные) ракеты воздушного базирования свыше определённой дальности (600 км).

Ограничения носителей и боезарядов должны также охватывать наземные стратегические ракетно-планирующие гиперзвуковые системы и межконтинентальные крылатые ракеты большой дальности (более 5500 км). То же относится к морским крылатым ракетам и ракетно-планирующим системам, как и к глубоководным беспилотным ударным аппаратам большой дальности (свыше 600 км).

Достижение соглашений для предотвращения избирательного использования ядерного оружия — гораздо более трудная задача. Но и она может решаться косвенным путём, например, через включение в потолок на боезаряды ядерных авиабомб на стратегических бомбардировщиках (чего раньше никогда не было). Наземные баллистические, планирующие гиперзвуковые и крылатые ракеты средней дальности с боеголовками пониженной мощности и обычными боезарядами должны подпадать под ограничения возможного нового варианта Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. При достижении будущих договоров по разведению и сокращению вооружённых сил общего назначения (по типу ДОВСЕ 1990–1999 гг.) вновь откроется возможность ограничения тактического ядерного оружия.

Перспективы запрета или ограничения космических сил пока не просматриваются, но угрозу спутникам СПРН можно снизить, запретив испытания любых ударных противоспутниковых систем по реальным мишеням в космосе [17]. Следует также согласовать правила сближений космических аппаратов на орбите, чтобы исключить замаскированную отработку операций по уничтожению спутников вероятного противника.

Проблемы разработки и верификации запретов или ограничений систем и методов кибервойны сейчас кажутся неразрешимыми. Можно надеяться как минимум на целенаправленный диалог России и США с целью заключения взаимного политически обязывающего отказа от кибератак на стратегические информационно-управляющие системы друг друга для предотвращения непреднамеренного обмена ядерными ударами. В этом смысле можно использовать опыт обязательств великих держав о ненацеливании ядерного оружия друг на друга. Проверить исполнение таких обязательств нельзя, но на практике они осуществляются и имеют стабилизирующий эффект.

Ближайшая задача — продление Договора СНВ-3 и начало переговоров по СНВ-4. После глубокого сокращения ЯО России и США за последние 30 лет и без подключения к мирному процессу третьих стран главная задача следующего договора — не существенное сокращение потолков на стратегические носители и боезаряды и не ограничение до-стратегических (тактических) ядерных вооружений (как, видимо, будет предлагать администрация Байдена), а расширение охвата ограничений с целью поддержания стратегической стабильности в её новой версии, соответствующей изменившимся военно-техническим и военно-политическим условиям. Параллельно желательно начать переговоры о

регламентации, транспарентности и предсказуемости глобальных и региональных систем ПРО.

В настоящее время стоит задача реализации предложенного Россией моратория на развёртывание ракет средней дальности в Европе и их ограничение в Азии. Это, помимо прочего, поможет противодействовать концепциям ограниченной ядерной войны.

Вопросы ограничения космических вооружений, а также средств и методов кибервойны следует обсуждать на специальных переговорных форумах.

Нужно иметь в виду, что без прогресса на магистральном пути контроля над вооружениями (СНВ/РСМД) в будущем не удастся найти способы ограничения инновационных военных технологий, как и перейти к многостороннему формату соглашений в этой сфере. Это непереносимое условие восстановления стратегической стабильности, регламентации и предсказуемости ядерного сдерживания, укрепления международной безопасности.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Статья опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Государственный визит Президента СССР М.С. Горбачёва в Соединённые Штаты Америки, 30 мая — 4 июня 1990 года. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990. С. 197–199; Soviet–United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. 01.06.1990. <https://bush41library.tamu.edu/archives/public-papers/1938>
2. Дворкин В. Сокращение наступательных вооружений // Полицентричный ядерный мир. Политическая энциклопедия / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги, 2017. С. 67–68.
3. Заседание дискуссионного клуба “Валдай”. Владимир Путин в режиме видеоконференции принял участие в итоговой пленарной сессии XVII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба “Валдай”. 22 октября 2020 г. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64261>
4. Creating the Conditions for Nuclear Disarmament (CCND) / Working paper submitted by the United States of America. <https://undocs.org/NPT/CONF.2020/PC.II/WP.30> (accessed

- 25.01.19); Speech by Ms Alice Guitton Permanent Representative of France to the Conference on Disarmament Head of the French Delegation (Geneva, 23 April 2018). <http://statements.unmeetings.org/media2/18559222/france-newl.pdf> (accessed 25.02.19); *Караганов С., Суслов Д.* Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности / Доклад. Высшая школа экономики. Национальный исследовательский университет. При поддержке МИД России и Комитета по международным делам Государственной думы ФС РФ; при участии Совета по внешней и оборонной политике. Москва, 2019. http://svop.ru/wp-content/uploads/2019/09/REPORT_Rus_1.pdf
5. В.В. Путин встретился в г. Сарове с экспертами по глобальным угрозам национальной безопасности, укреплению обороноспособности и повышению боеготовности Вооружённых сил Российской Федерации. Оф. сайт Председателя Правительства РФ В. Путина. 24 февраля 2012 г. <http://archive.premier.gov.ru/events/news/18248/>
6. Пленарное заседание Восточного экономического форума. Президент России. 5 сентября 2019 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/61451>
7. Ядерное оружие после холодной войны / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги, 2008.
8. SIPRI Yearbook 2019: World Armaments, Disarmament and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2019.
9. *Арбатов А.* Китай и ограничение вооружений: не утопия, а трудный выбор // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 36–54. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.04>
10. *Кетонов С.* Обошли на гиперзвуке // Военно-промышленный курьер. 2019. № 35. 10–16 сентября. С. 9.
11. *Pifer S.* The Death of the INF Treaty has Given Birth to New Missile Possibilities. The National Interest. September 2019. P. 1–7.
12. *Acton J.* Silver Bullet? Asking the Right Questions about Conventional Prompt Global Strike. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. P. 33–63.
13. Заседание дискуссионного клуба “Валдай”. Президент России, 18.10.2018. <http://kremlin.ru/events/president/news/58848>
14. Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия. Указ Президента Российской Федерации № 355. 2 июня 2020 г. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040?index=2&range-Size=1>
15. Актуальные задачи развития Вооружённых Сил Российской Федерации // Красная звезда. 11.10.2003. http://old.redstar.ru/2003/10/11_10/3_01.html (дата обращения 02.02.2018).
16. Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. February 2018. Washington, DC. <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-> (accessed 01.03.2018).
17. *Арбатов А.* Ускользающая материя (Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 1. С. 5–17.